

К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНОЙ КОНЦЕПЦИИ А.И. ГЕРЦЕНА*М.И. ВОЕЙКОВ*

Недавний юбилей А.И. Герцена, 200-летие со дня его рождения, появление новых интерпретаций его идей, побуждает продолжать эти обсуждения, ибо появляются новые аспекты и новый смысл¹. В частности, это касается вопроса: была ли система во взглядах Герцена, можно ли у него обнаружить некую социальную концепцию или «герценизм»? В настоящей статье предпринимается попытка доказать утвердительный ответ на этот вопрос.

Сегодня Герцен неожиданным образом стал для России чрезвычайно актуален. Хорошо известно, что он первый наиболее ярко поставил на повестку дня вопрос о месте России в мировой истории и возможностях опередить другие страны. Вот его слова: «Медленность, сбивчивость исторического хода нас бесит и душит, она нам невыносима, и многие из нас, изменяя собственному разуму, торопятся и торопят других. Хорошо ли это или нет? В этом весь вопрос»². Таким образом, Герцен поставил коренной вопрос всей русской общественной мысли: как России вырваться из своей отсталости и встать вровень с передовыми странами Запада и, может быть, даже в чем-то их опередить? После Герцена вся общественная мысль России вращалась вокруг этого вопроса: как опередить европейские страны? И сегодня этот вопрос актуален: превратится ли Россия в сырьевой придаток более развитых стран, т.е. во второразрядную страну, или же сможет опередить другие страны?

Известно, что Герцен положительно отвечал на вопрос возможности опережающего развития России. Основным путем, или же средством которое может обеспечить подобное развитие, он полагал переход к социализму на основе русской общины, что на сегодняшний день выглядит явным анахронизмом³. Однако Герцен настолько крупная, даже гигантская фигура общественного движения и общественной мысли России, что вместить его творчество в рамки какой-то одной теории и, тем более, «вопроса», будет неправильно и невозможно. Даже в теорию «русского социализма», основоположником которой, по общему признанию, он является.

К вопросу о противоречивости Герцена

Да, Герцен был очень противоречив. Вполне можно согласиться с точкой зрения современного исследователя И.Н. Сиземской, что «А.И. Герцен – сложный мыслитель, его философские идеи не имеют однозначного толкования»⁴. Думается, что эта сложность и противоречивость Герцена обосновывается его социальным происхождением и положением. Кто знает, был бы Герцен законнорожденным ребен-

ком в браке богатого помещика и какой-нибудь княжны, то Россия, возможно, и не имела бы такого мощного гения. Иногда противоречивость и двусмысленность бывают полезны. По крайней мере, в фигуре Герцена это так. В нем боролись две ипостаси: либерала, барина и коллективиста, общинника.

Еще В.И. Ленин в свое время писал, что Герцен принадлежал к барской среде. И это нормально. Ведь в XIX в. к этой среде принадлежали почти все великие русские писатели. Но к ним нет претензий. В отличие от них, Герцен был социалист, материалист и революционный демократ. Его обличения существующего общественного строя бесподобны по глубине, остроте и выразительности. И хочется получить от этого автора ответ не только на вопрос «Кто виноват?», но и на вопрос — «Что делать?» Но вместо ответа нам подсовывают средневековую русскую общину, на худой конец, артель — и все. Вот эта блестящая противоречивость Герцена и делает его великим. Герцен чувствует и понимает сложность явлений и процессов, их реальные противоречия. В нем нет односторонности, простоты и плоскости. Возможно, Герцен понимал, что европейский социализм его времени (Фурье, Сен-Симон, Прудон и др.) не тот социализм, который в силах преодолеть буржуазное общество без насилия над индивидуальной личностью. Возможно, он чувствовал, что пролетарский социализм Маркса и Энгельса тоже не то. Он видел и понимал, что пролетариат, как таковой, сам по себе есть продукт буржуазного общества и преодолеть себя он не сможет. А прийти к постиндустриальному социализму как культуре, преодолевающей рыночную цивилизацию в четких и законченных формулировках, он, по многим причинам, не мог. Потребовалось полтора столетия развития социальной мысли и социальной практики, чтобы сегодня можно было представить себе эту модель нового социализма. Да и то — в общих чертах. Но у Герцена все же намечены некоторые основы системы такого социализма будущего, если оставить за скобками его увлечение русской общиной. Однако и эти основы можно выявить в трудах Герцена только сегодня.

В то же время, как великий мыслитель и художник, он пишет больше и больше того, что сам намеревался сказать. У него есть определенные теории, которые он умеет просто и интересно изложить, но он выставляет свои же соображения (контрдоводы), которые как бы ограничивают, противоречат этим теориям. Герценовское мышление, замечает А.И. Володин, «все, сплошь, соткано из противоречий»⁵. Вот здесь действительно Герцен-художник, который «пишет сердцем», перевешивает Герцена-философа, который «пишет разумом». Интуиция часто чувствует и понимает больше чем разум, или, во всяком случае, скорее. Отсюда, на первый взгляд, страшная противоречивость Герцена, смесь романтизма с реализмом, умеренности с радикализмом.

Об этом еще за 50 лет до А.И. Володина писал А.В. Луначарский: «Искать в Герцене систему, стараться создать герценизм – было бы нелепо»⁶. 110 лет назад (Луначарский) и даже 50 лет назад (Володин) этот взгляд на личность и труды Герцена казался справедливым. Но сегодня мы, обобщая все достижения и направления социальной науки: марксистский ревизионизм, троцкизм, люксембургизм, неомарксизм, постмодерн и т.д., можем увидеть, что в произведениях Герцена содержатся основные элементы и послы этих новомодных течений социальной мысли. Это удачно подметила И.Н. Сиземская: «Герцен, как никто другой из русских мыслителей, с равным успехом реализовал в своих философских изысканиях разные методологические основания и векторы историософского анализа»⁷. Таким образом, можно нащупать определенную систему, социальную концепцию Герцена, которая вырисовывается, если его произведения воспринимать целиком, отсекая отдельные или случайные фразы и положения, пусть и «исполненные ума и оригинальности». За мощными и красивыми деревьями все же можно и нужно видеть лес.

Был ли Герцен либералом?

Герцен как-то писал: «Либералы были вечные жители больших городов и маленьких кружков, люди журналов, книг, клубов, они вовсе не знали народа, они его глубокомысленно изучали по историческим источникам, по памятникам – а не по деревне, не по рынку»⁸. Эти слова очень точно характеризуют самого Герцена. Он действительно был человеком маленького кружка и жителем большого города, был любителем книг и журналов, а в деревне он, собственно, и не жил и рынка не любил. Выходит, по критериям самого Герцена, он был типичным либералом. Итак, кем же он был: либералом или революционным демократом?

Сегодня этот вопрос снова приобретает актуальность. Известно, что под лозунгами либерализма у нас проводились реформы 1990-х гг., в том числе и экономические, некоторые из них негативно сказались на многих аспектах жизни страны и простых людей. Поэтому термины «либерал» и «либерализм» зачастую стали у нас бранными словами. Можно привести целый ряд высказываний Герцена, которые будут характеризовать его как антилиберального деятеля и мыслителя. Так, о демократии он пишет следующее: «Демократия... сама еще стоит на христианском берегу, в ней бездна аскетического романтизма, либерального идеализма; в ней страшная мощь разрушения, но, как примется создавать, она теряется в ученических опытах, в политических этюдах... Но действительного творчества в демократии нет – и потому-то она не будущее». Или вот еще: «О хлебе насущном – либерализм серьезно не думал, он слишком романтик, чтоб печься о таких грубых потребностях. Либерализму легче было выдумать народ, нежели его изучить»⁹.

Чтобы ответить на вопрос — был ли Герцен либералом? — надо понять, что такое либерализм вообще и кто такой либерал в России — в частности. Либерализм как теория есть идея свободы, свободы равных возможностей всех членов общества как независимых и самостоятельных сограждан. В этом, между прочим, и состоит суть гражданского общества. По мнению Н. Хомского, «основная идея классического либерализма заключается в оппозиции ко всем формам государственного вмешательства в личную и социальную жизнь, кроме предельно ограниченных и минимальных». И дальше: «Мировоззрение классического либерала... по существу противостоит промышленному капитализму с его рабством заработной платы, его отчужденным трудом, его иерархическими, авторитарными принципами социальной и экономической организации»¹⁰. С этих позиций Герцен, конечно, классический либерал. Но дальше дело усложняется. Классический либерализм пропагандирует равные возможности, так сказать, на старте, но не саму идею социального равенства. Социализм в теории идет дальше либерализма, свободу он последовательно проводит до конца, тем самым преодолевая буржуазность равенства возможностей. То есть социализм говорит не только о равных стартовых возможностях, но говорит и о равенстве как таковом, имея в виду, прежде всего, равенство экономическое и социальное. В таком понимании социализм уже по определению должен включать все рациональное и полезное, что есть в либерализме. Иными словами, на наш взгляд, социализм есть более высокая степень либерализма или более развитый либерализм. Да и сам Герцен примерно так и писал: «Либерализм, последовательно проведенный, непременно поставит человека лицом к лицу с социальным вопросом»¹¹. Уже процитированный нами современный интеллектуал Н. Хомский пишет примерно также: «Классическая либертарианская мысль ведет прямо к либертарианскому социализму...»¹² Так что Герцен за 150 лет совершенно не устарел и его идеи до сих пор актуальны в среде современных интеллектуалов. Конечно, сам собой напрашивается коварный вопрос: то ли Герцен был так гениален, то ли мир 150 лет топчется все на том же месте? Наверное, всего понемногу.

Идея либерализма и идея социализма — это не две разных, но одна и та же идея свободы и демократии, но в разной степени развитости. Поэтому М. Маляя, основываясь на текстах Герцена, имел все основания писать: «Не будет преувеличением сказать, что либерализм и социализм являются, соответственно, «минималистским» и «максималистским» крылом одного широкого протестного движения против все еще крепких пережитков старого режима». Хотя этот же Маляя сам себе противоречит, когда утверждает далее, что Герцен где-то в середине 1840-х гг. «начал рассматривать либерализм и социализм не только как обособленные, но и неизменно враждебные силы»¹³. Это

утверждение не соответствует действительности вообще, согласно вышеприведенной цитате самого Герцена из «Былого и дум», т.е. значительно более позднего текста.

Определенное родство социализма и либерализма отмечается многими современными исследователями. В качестве примера приведем точку зрения такого современного интеллектуала как Иммануэль Валлерстайн, который в середине 1990-х гг. утверждал следующее: «Социалистическое движение промышленно развитых стран, включая его наиболее воинствующие образцы типа германской социал-демократической партии, стало ведущей парламентской силой в борьбе за либеральные реформы. Через свои партии и профсоюзы социалисты осуществляли «народное» давление, чтобы добиться того, чего хотели либералы... Не только Бернштейн, но также и Каутский, Жорес и Гед, не говоря уж о фабианцах, стали теми, кого можно назвать «либеральными социалистами»¹⁴. Так что эта линия перерождения либерализма в социализм прослеживается на протяжении всего XX в. в трудах выдающихся интеллектуалов.

Особое положение складывалось в России. Известно, что в императорской России либералами считались те, кто противостоял царю, царскому правительству. В либералах тогда ходили многие опальные вельможи, и они противостояли не социалистам, а консерваторам, т.е. сторонниками царского самодержавия. Ведь либерализм — это буржуазный протест против феодального общественного устройства. А во времена Герцена феодальный строй России был все еще широк и крепок. И для того времени и условий России либерализм и социализм почти сливались. По крайней мере, в фигуре Герцена.

Таким образом, можно полагать, что Герцен прошел естественный путь эволюции от либерала к социалисту. В начале пути он был либералом, в конце — социалистом. Но и социалистом он был достаточно осмотрительным и осторожным. Исследуя опыт европейских революционеров, он сделал такое заключение: «В смутные времена общественных пересозданий, бурь, в которые государства надолго выходят из обыкновенных пазов своих, нарождается новое поколение людей, которых можно назвать хористами революции... Для них все эти банкеты, демонстрации, протестации, сборы, тосты, знамена — главное в революции... Сверх людей наивных, революционных доктринеров, в эту среду естественно втекают непризнанные артисты, несчастные литераторы, студенты, не окончившие курса, но окончившие ученье, адвокаты без процессов, артисты без таланта, люди с большим самолюбием, но с малыми способностями, с огромными притязаниями, но без выдержки и силы на труд... Жизнь в кофейных и клубах увлекательна, полна движения, льстит самолюбию и вовсе не стесняет. Опоздать нельзя, трудиться не нужно, что не сделано сегодня, можно сделать завтра, можно и вовсе не делать»¹⁵. Ведь и сегодня в Москве

или в Киеве можно наблюдать множество протестных активистов, для которых демонстрации, протестации, сборы, знамена – главное. А какова идеология у этих людей, какое мировоззрение, чего они, собственно, хотят – сказать, порой, трудно. Герцен, как либерал, выступает за свободу и протесты, но как социалист хотел иметь научно разработанную концепцию лучшего устройства общества.

Поэтому, думается, вопрос – был ли А.И. Герцен либералом или социалистом – теряет свою остроту. Он был и тем и тем. Есть все основания присоединиться к формуле И.К. Пантина, что Герцен был либеральным социалистом¹⁶.

Диалектика Герцена

Герцену удавалось очень ловко и, одновременно, тонко соединять противоположности, даже свои собственные противоречивые положения. Хотя это и выглядит противоречивым, но не грубо, а весьма диалектично. То есть при развертывании и развитии на первый взгляд противоречивых положений Герцена в конце концов получается какая-то многокрасочная, органичная конструкция, способная ответить на вроде бы тупиковые вопросы. А, как известно, сам он не робел ставить даже противоречивые вопросы.

Как уже отмечалось выше, в текстах Герцена если и не содержится готовый ответ на вопрос о прогрессивности развития, в том числе и России, то, по крайней мере, есть многое, что может помочь сформулировать такой ответ. Прежде всего, это касается роли науки и научного знания.

По Герцену общество будущего должно сложиться не само собой, спонтанно, а на основе научного знания, как научная разработка проблемы совершенствования общества. Таким образом, Герцен выделяет науку как сознательный элемент преобразования. «Задача новой эпохи, в которую мы входим, – пишет он, – состоит в том, чтобы на основаниях науки сознательно развить элемент нашего общинного самоуправления до полной свободы лица, минуя те промежуточные формы, которыми по необходимости шло, плукая по неизвестным путям, развитие Запада. Новая жизнь наша должна так заткать в одну ткань эти два наследства, чтоб у свободной личности земля осталась под ногами и чтобы общинник был совершенно свободное лицо»¹⁷. Но в том-то и дело, что социальная наука доказывает полную непригодность общины как модели «хорошего общества». Хотя сам принцип науки, теоретического знания, выбранный Герценом как средство совершенствования общества, абсолютно верен и очень актуален. Именно наука, по Герцену, должна вывести Россию в передовые страны Европы: «Одна мощная мысль Запада, к которой примыкает вся длинная история его, в состоянии оплодотворить зародыши, дремлющие в патриархальном быту славянском. Артель и

сельская община, раздел прибýtка и раздел полей, мирская сходка и соединение сел в волости, управляющиеся сами собой, – все это краугольные камни, на которых созиждется хранина нашего будущего свободно-общинного быта. Но эти краугольные камни – все же камни... и без западной мысли наш будущий собор остался бы при одном фундаменте»¹⁸. Наука должна сформировать наилучшее общественное устройство. Здесь Герцен очень близко подошел к марксистскому пониманию исторического процесса и роли субъективного фактора в истории. И не просто субъективного фактора, но человека, вооруженного научным знанием.

Поэтому ростки социализма нужно видеть не в рабочем движении, протестных акциях и т.п. что в целом не выходит за рамки буржуазных отношений, а в теории. Социальная теория и есть та нить, которая выведет человечество из кошмара капитализма.

Для социализма занятие теорией имеет особое значение. Если предшествующие ему общества складывались стихийным образом, то социализм, по определению, должен формироваться осмысленно и сознательно. Но для этого нужно развитие социальной науки и прежде всего теории. Нельзя же без конца развиваться методом «проб и ошибок», чем и характерно «живое творчество масс». Социализм должна отличать от предшествующих ему обществ как раз сознательная и целесообразная выработка предварительных проектов общественного усовершенствования, одобрение их большинством населения и затем уже планомерное проведение в жизнь.

То есть в социалистическом обществе теоретическое знание должно превалировать над эмпирическим. Теоретики постиндустриализма давно подметили ту закономерность, что даже современная естественная наука характеризуется господством теоретического знания. Поэтому для социальной науки и, прежде всего, теории насущной задачей является исследование проблем именно совершенствования современного капиталистического общества, развитие его в сторону социализма. Можно даже сказать, что современная социальная наука есть антибуржуазная наука, наука, которая социализирует общество, наконец, есть наука социализма. Наука должна разрабатывать предложения по развитию общества в сторону удовлетворения потребностей все большего числа членов этого общества. Ибо капитализм уже достиг предела своего развития в смысле удовлетворения потребностей незначительного числа людей, собственников капитала. И в этом смысле дальнейшее развитие капитализма, на наш взгляд, бессмысленно, наступает «конец истории». И в этом смысле социальная наука уже не нужна. Зачем она? Если капитализм подошел к предельной точке своего развития, что лучше уже быть не может, то зачем же наука, которая его будет развивать. Он и так прекрасен. Социальная наука нужна только в том случае, если общество уже

насытилось этим капитализмом для немногих и хочет развить его в капитализм для всех, т.е. социализм. Таким образом, социализм должен быть уделом профессионалов, а не любителей. Если в области технических проблем любители сегодня уже ничего путного сделать не могут в отличие от XVII в., то почему для социальных проблем должно быть исключение.

Поэтому никак нельзя принять комментарии некоторых старых и не только старых авторов, будто Герцен считал, что будущее социалистическое общество будет складываться стихийно, само собой. Так, историк общественной мысли А.З. Штейнберг писал в 1920 г.: «Из пены бушующей стихии должен сам собою родиться прекрасный в своей изначальной наготе и в своем блаженном неведении мир новый, грядущий. Социализм победит, потому что он новое варварство...»¹⁹ Но это очень поверхностная трактовка основной мысли Герцена, основанная на произвольно вырванных из общего контекста случайных фразах. А такого рода красивых, но все же случайных, фраз в произведениях Герцена много, и часто читатель, и даже комментатор, становится жертвой их обаяния. А ведь люблюсь отдельными красивыми деревьями трудно понять, что перед тобой густой лес. Весь смысл конструкции Герцена состоит в том, что науку он кладет в основу формирования нового общества. Здесь Герцен предвосхитил многих последующих мыслителей, которые на место стихийно функционирующего общества ставили его сознательную и планомерную организацию.

Наука или научная метода

Итак, чтобы выбраться из пут отсталости, надо развивать науку, которая и проложит путь к будущему, лучшему обществу. Таким образом, наука должна не только описывать то, что есть (позитивизм немецкой науки), но и предопределять то, что должно быть (т.е. быть нормативной). Именно нормативная направленность общественной науки в советский период была обязательным требованием ее развития и даже финансирования. И это правильно, наука должна улучшать жизнь общества. Но при этом как-то упускалась из виду начальная фаза научного познания, т.е. объяснение того, что есть. В итоге, в 1983 г. тогдашний Генеральный секретарь ЦК КПСС Ю.В. Андропов воскликнул: «Мы еще до сих пор не изучили в должной мере общество, в котором живем и трудимся». И это факт: 65 лет общественная наука в СССР не могла толком объяснить — что такое было советское общество²⁰.

Герцен высказывает ряд очень актуальных и верных мыслей о научном познании вообще. Так, он начинает излагать сравнительные достоинства двух методов познания: аналитический и синтетический. «Девиз анализа, — пишет Герцен, — разятие, части; а душа, а жизнь

находятся в целом организме, и притом в живом организме. С ножом и огнем идут естествоиспытатели на природу, режут ее, жгут и после уверяют, что, кроме вещества, ничего не существует». И дальше: «Но, употребляя опытную методу, не должно на ней останавливаться, надобно дать место, и притом место большое, умозрению; факты чрезвычайно важны, но одни голые факты еще мало представляют разуму»²¹. Охарактеризовав их, он делает вывод, что и синтез, и анализ «суть две части, два момента одного полного познания». «Сначала ум человеческий дробит предмет, рассматривает, так сказать, монады его, потом складывает их, обозревает целое и тогда уже имеет отчетливое знание предмета»²². Казалось бы, это все давно известно и понятно, и даже, можно сказать, само собой разумеется. Но сегодня в буржуазной России это стало очень спорным. Общественная наука сегодня у нас боится обобщений, боится сделать синтетический, конечный вывод. Возьмите модные и наиболее тиражируемые сочинения отечественных авторов по истории, социологии, экономике — почти все это анализ фактов, отдельных явлений и событий, анализ эмпирической реальности. И это сегодня считается явлением профессиональной науки. Собирайте факты, анализируйте детали, а общий вывод за вас будут делать начальники. Так история у нас превратилась в историю «повседневной действительности», где описывается множество отдельных случаев и единичных событий, без всякой увязки их в общую картину, без выявления общих тенденций и закономерностей. Социология просто свелась к опросам на улице или по телефону. Экономическая наука постепенно превращается в кучу математических моделей чего угодно. Даже марксизм стал моден исключительно как аналитический марксизм, т.е. анализ без общего взгляда.

Вот этот научный эмпиризм, крохоборчество фактов и мелких событий, создание инструментария научного исследования, анализ и описание и пр. и пр. — все это мощным потоком хлынуло сегодня к нам с Запада. Почему так, трудно сказать. Возможно, одна из причин состоит в том, что на Западе наукой занимается множество людей, но далеко не все из них настолько даровиты, что могут делать смелые выводы и обобщения. А занимаясь собиранием фактов, анализом и прочими проявлениями эмпиризма, легче и проще доказать свой статус ученого. Конечно, ничего плохого в эмпирических исследованиях нет, они нужны и полезны. Но печально становится, когда вся наука сводится к эмпиризму, когда коллекционирование и описание фактов и отдельных случаев выдается за вершину объективного научного поиска. И ведь об этом тоже писал Герцен: «Западный мир, и это совершенно естественно, считал и считает свою науку абсолютной, свой путь — единым ведущим к спасению. Но так как магнитная стрелка его сильно отклонилась от прямого направления в продолжении долгого исторического плаванья, то он наконец хватился об утес и,

боясь потонуть, бросился на мель. Теперь все усилия, весь труд употребляется для того, чтобы неподвижному сидению на мели придать вид прогрессивного движения»²³. И мы сегодня просто подражаем Западу. Формализация — необходимый этап научного познания, но форма не должна быть пустой. Содержание жизни общества, т.е. сущее для общественной науки, требует синтеза этапов научного познания, общего взгляда и вывода.

Но одной науки мало. И даже мало науки плюс герой или герои, которые поведут народ в светлое будущее. По очень глубокой мысли Герцена для успешного переворота само общество должно перерасти буржуазные отношения, должно созреть для новых отношений, сама среда должна быть готова к социализму. Вот его слова: «Подорванный порохом, весь мир буржуазный, когда уляжется дым и расчистятся развалины, снова начнет с разными изменениями какой-нибудь буржуазный мир. Потому что он внутри не кончен и потому еще, что ни мир строящийся, ни новая организация не настолько готовы, чтоб пополниться, осуществляясь. Ни одна основа из тех, на которых покоится современный порядок, из тех, которые должны рухнуть и пересоздаться, не настолько почата и расшатана, чтоб ее достаточно было вырвать силой, чтоб исключить из жизни». И дальше: «Пусть каждый добросовестный человек сам себя спросит, готов ли он. Так ли ясна для него новая организация, к которой мы идем... И пусть, если он лично доволен собой, пусть скажет, готова ли та среда, которая по положению должна первая ринуться в дело»²⁴. Напиши Герцен эти слова в начале XX в., его бы быстро переквалифицировали из революционных демократов в буржуазного реформиста. И правильно бы сделали, ибо на самом деле он и был таким.

Таким образом, наука наукой, но надобно иметь людей, которые смогут воспользоваться этой наукой. И Герцен хорошо видел и понимал, что человеческий материал в России явно не того качества, который потребен для социализма. Он про это писал много: «Мы все скверно учились, доучиваемся кой-как и готовы действовать прежде, нежели закалили булат и выучились владеть им». И дальше: «Воспитания в правомерное состояние у нас вовсе нет; даже мы не уважаем и ту законность, которая дается нашим сводом»²⁵. Надо учиться, учиться и учиться, как говорил другой классик. А хочется сразу и побыстрее перескочить «через класс».

Итак, система Герцена

Теперь попытаемся сложить отдельные элементы и позиции Герцена в единую социальную концепцию и, если угодно, в «герценизм». Очень важна следующая особенность позиции Герцена. Хотя он и был революционным демократом, но он совсем не звал «Русь к топору», как думали и думают некоторые современные и давно отошедшие

авторы. Известно, что, например, Б.Н. Чичерин в письме 1858 г. упрекал издателя «Колокола», что он открывает страницы своего журнала «безумным воззваниям к дикой силе», «указывает на палку и на топор». На самом деле Герцен же пишет наоборот: «Нынешние государственные формы России никуда не годны», и это добавим сегодня, совершенно верно не только по отношению к тогдашней России, но и к нынешней. Но отсюда ведь никак не следует, что надо хвататься за топор. Сам Герцен далее пишет: «От души предпочитаем путь мирного, человеческого развития пути развития кровавого...»²⁶ Или вот еще положение, очень напоминающее построения Эд. Бернштейна: «Я нисколько не боюсь слова “постепенность”, опошленного шаткостью и неверным шагом разных реформирующих властей. Постепенность так, как непрерывность, неотъемлема всякому процессу разумения. Математика передается постепенно, отчего же конечные выводы мысли и социологии могут прививаться, как оспа, или вливаться в мозг так, как вливают лошадям сразу лекарства в рот?»²⁷ Напомним еще «перманентную революцию» (т.е. непрерывную) Л.Д. Троцкого! Кому был предшественник Герцен — неонародникам, марксистам или ревизионистам?

С марксизмом Герцена роднит научный подход к преобразованию существующего. Ему мало понять — что и как есть. Ему нужно это переделать. Как тут не вспомнить знаменитые «Тезисы о Фейербахе» Карла Маркса и его 11 тезис — философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его. Вот в этом смысл диалектики Герцена: социалистическое общество складывается не само собой, а с помощью науки, которая не только объясняет существующий мир, но и вырабатывает средства и пути его улучшения. Но кроме науки должна созреть до лучшего будущая общественная среда, т.е. должны появиться люди, умеющие сознательно устраивать свое совместное общежитие. Люди должны понимать — что делается, знать — что и как делать, и уважать принимаемые всеми установления (законы). И все это должно делаться не сразу, как «вливают лошадям лекарство в рот», а поэтапно, постепенно.

Таким образом, *социальная концепция Герцена* складывается из четырех частей:

- буржуазное общество (мещанство) не соответствует человеческой природе, оно придавливает индивидуальную свободу, калечит искусство и культуру, человеческие отношения заменяет меновыми;
- переход к постбуржуазному обществу должен осуществляться сознательно на основе науки общественного устройства;
- для появления постбуржуазного общества должна созреть общественная среда, где условия жизни и сами люди будут соответствовать преодолению мещанства;

• и все это должно осуществляться постепенно, путем осмысленных преобразований.

Если сводить Герцена к русской общине, то, наверное, его можно интерпретировать как предтечу народников, что и делали почти все исследователи русской общественной мысли. Но почему-то сами народники и неонародники не очень увлекались многими другими идеями Герцена. Вот социал-демократические и даже либеральные русские мыслители без конца теребили Герцена, посвящали ему статьи и брошюры, обильно цитировали и спорили с ним. Этим мыслителям Герцен был очень интересен. Итак, если брать Герцена широко и системно, то в его лице мы находим основоположника современной социал-демократической мысли. Именно современной, а не догматизированной марксизмом К. Каутского и других крупных социал-демократических мыслителей начала XX в. Таким образом, «герценизм» — есть предтеча русской социал-демократии.

Вот это и есть социальная система Герцена, система перехода от буржуазного состояния общества к постбуржуазному. Многие, почти все комментаторы Герцена утверждали, что невозможно найти у Герцена какой-то общей философской или социальной системы. Однако это неверно. Конечно, у Герцена масса противоречий, недоговоренностей, разброс мысли в разные стороны. Все это есть. Но нельзя же цепляться за каждую гениальную или красивую фразу мыслителя. Ведь можно и нужно выбрать самое главное и самое важное и складывается определенная система, даже социологическая конструкция перехода к лучшему обществу. Возможно, Герцен это чувствовал, но четко сформулировать тогда еще не мог. А сегодня мы можем увидеть и понять систему Герцена, ибо за 150 лет накоплен большой научный и литературный материал, который подтверждает догадки и гипотезы Герцена. Многие мысли Герцена мы находим у лучших социальных мыслителей современности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. юбилейные и постюбилейные публикации: А.И. Герцен: pro et contra. Личность и творчество А.И. Герцена в оценке российских исследователей и деятелей культуры. Антология. — СПб.: РХГА, 2012; Либерализм и социализм: Запад и Россия (к 200-летию со дня рождения А.И. Герцена) / под ред. М.И. Воейкова. — М.: ЛЕНАНД, 2013; Александр Иванович Герцен и исторические судьбы России. Материалы международной научной конференции к 200-летию А.И. Герцена (Институт философии РАН, 20 – 21 июня 2012 г.). — М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2013; Философское наследие А.И. Герцена и современность // Философские науки. 2013. № 2 и др.

² Герцен А.И. Соч. В 2-х т. Т. 2. — М.: Мысль, 1986. С. 531 – 532.

³ Подробнее об этом см.: Воейков М.И. А.И. Герцен и теория опережающего развития // Либерализм и социализм: Запад и Россия (к 200-летию со дня рождения А.И. Герцена) / под ред. М.И. Воейкова. — М.: ЛЕНАНД, 2013.

⁴ *Сиземская И.Н.* Философское наследие А.И. Герцена и современность // *Философские науки*. 2013. № 2. С. 33.

⁵ *Володин А.И.* Герцен. – М.: Мысль, 1970. С. 11.

⁶ *Луначарский А.* Александр Иванович Герцен // *Луначарский А., Радек К., Троцкий Л.* Силуэты: политические портреты. – М.: Политиздат, 1991. С. 153. Заметим здесь, что, например, И.С. Аксаков, наоборот, иронично и осуждающе писал о существовании «герценизма» (см.: *Батурицкий В.П.* А.И. Герцен, его друзья и знакомые. – СПб.: Издание Г.Ф. Львовича, 1904. С. 181).

⁷ *Сиземская И.Н.* Философское наследие А.И. Герцена и современность. С. 33.

⁸ *Герцен А.И.* С того берега // *Герцен А.И.* Соч. В 2 т. Т. 2. С. 65.

⁹ Там же. С. 61 – 62, 65.

¹⁰ *Хомский Н.* Государство будущего. – М.: Альпина нон-фикшен, 2012. С. 11, 29 – 30.

¹¹ *Герцен А.И.* Былое и думы // *Герцен А.И.* Избр. произв. В 5 т. Т. 4. – М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2009. С. 190.

¹² *Хомский Н.* Государство будущего. С. 30.

¹³ *Малия М.* Александр Герцен и происхождение русского социализма. 1812 – 1855. – М.: Территория будущего, 2010. С. 174, 436.

¹⁴ *Валлерстайн И.* После либерализма. – М.: УРСС, 2003. С. 221.

¹⁵ *Герцен А.И.* Былое и думы // *Герцен А.И.* Избр. произв. В 5 т. Т. 4. С. 277 – 278.

¹⁶ *Пантин И.К.* А.И. Герцен и русская философско-политическая традиция // Александр Иванович Герцен и исторические судьбы России / Материалы международной научной конференции к 200-летию А.И. Герцена (Институт философии РАН, 20 – 21 июня 2012 г.). С. 180.

¹⁷ *Герцен А.И.* О социализме. Избранное. – М.: Наука, 1974. С. 507.

¹⁸ *Герцен А.И.* Былое и думы // *Герцен А.И.* Избр. произв. В 5 т. Т. 4. С. 139.

¹⁹ *Штейнберг А.З.* Берега и безбрежность // А.И. Герцен: pro et contra. Личность и творчество А.И. Герцена в оценке российских исследователей и деятелей культуры. Антология. С. 382.

²⁰ Подробнее см.: 20 лет без СССР: уроки и вызовы // *Философские науки*. 2012. № 1.

²¹ *Герцен А.И.* Соч. В 2 т. Т. 1. – М.: Мысль, 1985. С. 71 – 72.

²² Там же. С. 487 – 488.

²³ *Герцен А.И.* О социализме. Избранное. С. 477.

²⁴ *Герцен А.И.* Соч. В 2 т. Т. 2. С. 532 – 533.

²⁵ *Герцен А.И.* Соч. В 2 т. Т. 1. С. 419, 449.

²⁶ *Герцен А.И.* О социализме. Избранное. С. 442.

²⁷ *Герцен А.И.* Соч. В 2 т. Т. 2. С. 538.

REFERENCES

20 let bez SSSR: uroki i vyzovy // *Russian Journal of Philosophical Sciences*. 2012. № 1.

A.I. Gertsen: pro et contra. Lichnost' i tvorchestvo A.I. Gertsena v otsenke rossiyskikh issledovateley i deyatelay kul'tury. Antologiya. – Saint Petersburg, 2012.

Aleksandr Ivanovich Gertsen i istoricheskie sud'by Rosii. – Moscow, 2013.

Baturinsky V.P. A.I. Gertsen, ego druz'ya i znakomye. – Saint Petersburg, 1904.

- Chomsky N. Gosudarstvo buduschego. – Moscow, 2012.
- Herzen A.I. Byloe i duma // *Herzen A.I. Izbr. proizv.* V 5 t. T. 4. – Moscow, 2009.
- Herzen A.I. O sotsializme. Izbrannoe. – Moscow: Nauka, 1974.
- Herzen A.I. S togo berega // *Herzen A.I. Sochineniya.* V 2 t. T. 2.
- Herzen A.I. Sochineniya. V 2 t. – Moscow: Mysl', 1985 – 1986.
- Liberalizm i sotsializm: Zapad i Rossiya (k 200-letiyu so dnya rozhdeniya A.I. Gertsena) / edited by M.I. Voeikov. – Moscow, 2013.
- Lunacharsky A. Aleksandr Ivanovich Gertsen // *Lunacharsky A., Radek K., Trotsky L. Siluety: politicheskie portrety.* – Moscow: Politizdat, 1991.
- Malia M. Aleksandr Gertsen i proiskhozhdenie russkogo sotsializma. 1812 – 1855. – Moscow, 2010.
- Pantin I.K. A.I. Gertsen i russkaya filosofsko-politicheskaya traditsiya // Aleksandr Ivanovich Gertsen i istoricheskie sud'by Rosii.
- Sizemskaya I.N. Filosofskoe nasledie A.I. Gertsena i sovremennost' // *Russian Journal of Philosophical Sciences.* 2013. № 2.
- Steinberg A.Z. Berega i bezbrezhnost' // A.I. Gertsen: pro et contra. Lichnost' i tvorchestvo A.I. Gertsena v otsenke rossiyskikh issledovateley i deyateley kul'tury. Antologiya.
- Voeikov M.I. A.I. Gertsen i teoriya operezhayuschego razvitiya // *Liberalizm i sotsializm: Zapad i Rossiya (k 200-letiyu so dnya rozhdeniya A.I. Gertsena).* – Moscow, 2013.
- Volodin A.I. Gertsen. – Moscow: Mysl', 1970.
- Wallerstein I. Posle liberalizma. – Moscow, 2003.

Аннотация

В статье рассматриваются дискуссионные вопросы социальной концепции А.И. Герцена. Показывается, что, несмотря на противоречивость позиции Герцена, у него можно найти определенную концепцию лучшего общественного устройства. Концепция включает: научное обоснование, развитие общественной среды, постепенность преобразований.

Ключевые слова: А.И. Герцен, социальная концепция, герценизм, противоречия социальной концепции, наука и научная метода, народничество, социал-демократическая мысль, реформизм.

Summary

The article deals with controversial issues of A.I. Herzen's social concepts. It is shown that despite the contradictory position of Herzen, it is possible to find some better concept of social order. The concept includes scientific rationale, development of the social environment, gradual transformation.

Keywords: A.I. Herzen, social concept, Herzenism, contradictions of social concepts, science and the scientific method, populism, social democratic thought, reformism.